
НЕСПОКОЙНЫЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

В. М. АХМЕДОВ

О НЕКОТОРЫХ ФАКТОРАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ*

В статье с теоретических позиций исследуются внутренние и внешние факторы, которые оказывали влияние на ближневосточные политические процессы в контексте формирования региональной системы безопасности на Ближнем Востоке. Отмечено, что они во многом определялись геостратегическим положением, ресурсной базой, демографией, этническим и религиозным составом населения, культурными традициями и историческим наследием ближневосточных государств, политикой мировых держав. Особое внимание уделено исследованию особенностей формирования политических систем арабских стран, которые заметно повлияли на выработку приоритетов национальной безопасности и определение характера угроз в государствах Ближнего Востока. Вооруженные силы и офицерский корпус ближневосточных стран традиционно служили гарантом безопасности арабских стран. С другой стороны, вмешательство военных в политику привело к череде военных переворотов. Предпринимаемые офицерством попытки своими методами разрешить острые этноконфессиональные конфликты нередко подрывали региональную стабильность и территориальную целостность государств. Подчеркивается, что на рубеже XX–XXI вв. эволюция политических теорий и исламской идеологии меняла роль ислама в армии и арабском социуме. Обострение этноконфессиональной вражды ослабило светский характер

---

* **Для цитирования:** Ахмедов, В. М. 2026. О некоторых факторах, влияющих на ближневосточные политические процессы. *История и современность* 1: 33–71. DOI: 10.30884/iis/2026.01.02.

For citation: Akhmedov, V. M. 2026. On Some Factors Influencing the Mideast Political Processes. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 1: 33–71 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2026.01.02.

История и современность, № 1, март 2026 33–71

DOI: 10.30884/iis/2026.01.02

идеологии арабского национализма, подменив его радикальными исламистскими идеями, которые в условиях эскалации политической обстановки способствовали развитию религиозных конфликтов в регионе. В результате конфликты низкой интенсивности и гибридные войны стали важным элементом политической конфронтации на Ближнем Востоке. В их основе были заложены глубокие исторические противоречия и вражда сектантского характера. В результате такие конфликты приобретали длительный и латентный характер. Распространение религиозно окрашенных конфликтов привело к изменению характера современных войн и природы национальных вооруженных сил на Ближнем Востоке. Активными участниками таких конфликтов становились негосударственные вооруженные формирования и религиозные милиции. Они имели общую экзистенциальную основу, которая была образована из паттернов религиозной доминанты, внедренных в их политическое сознание. Идущие в регионе процессы трансформации войны и эволюция арабских вооруженных сил формировали благоприятную среду для реализации целей воинствующих исламистов и внешней религиозной экспансии в регионе.

Ключевые слова: *Ближний Восток, безопасность, политические системы, вооруженные силы, исламисты, гибридные войны.*

Введение

На рубеже XX–XXI вв. глобальное военно-политическое противостояние на Ближнем Востоке трансформировалось в целый комплекс региональных кризисов и вооруженных столкновений. Их характерной чертой служила тесная взаимосвязь друг с другом. Практически все ближневосточные государства оказались вовлечены в сложную систему межгосударственных противоречий.

В результате в период 2024–2025 гг. Ближний Восток переживал беспрецедентный по своим масштабам системный кризис, который охватил миллионы людей и вверг регион в череду нескончаемых конфликтов и экономических катастроф. Внутриполитический кризис в Ираке, Ливане, Ливии, Судане и Йемене спровоцировал нестабильность во всем ближневосточном регионе. Международные дипломатические усилия по окончательному завершению войны в Газе и прекращению гуманитарной катастрофы в Палестине не привели к субстантивным результатам. В условиях расширения масштабов насилия на Ближнем Востоке осложнилась возможность урегулирования региональных конфликтов.

Во многом это было связано с отсутствием эффективных механизмов поддержания стабильности на Ближнем Востоке. Процесс создания системы региональной безопасности носил комплексный

характер. Он был обусловлен группой внутренних и внешних факторов, которые были тесно связаны с геостратегическим положением, ресурсной базой, демографией, этническим и социокультурным многообразием и историческим наследием ближневосточных государств.

1. Предварительный анализ факторов

Историческое наследие ближневосточных стран сыграло заметную роль в становлении системы международной безопасности на Ближнем Востоке. История арабского мира насчитывает около полутора тысяч лет. В древности на территории, где располагаются современные арабские государства, формировались передовые очаги человеческой цивилизации, которые, взаимодействуя друг с другом, порождали новые формы культуры и духовной жизни, распространявшиеся далеко за пределы региона. Именно на арабском Востоке зародились основные мировые религии: иудаизм, христианство и ислам.

Возникший на рубеже VI–VII вв. н. э. на территории нынешней Саудовской Аравии ислам не только оказывает сегодня все возрастающее воздействие на весь ход развития арабских стран, но и расширяет свое влияние в мире, привлекая к себе новых сторонников. На рубеже XX–XXI вв. общее число тех, кто причислял себя к приверженцам этой самой молодой мировой религии, превысило 1 млрд 300 млн человек, из которых около 20 % являлись жителями арабских стран.

Ислам наложил отпечаток на национальный характер арабов. Многие арабы воспринимают ислам не только как комплекс религиозных догм, но и как образ жизни. Однако еще до возникновения ислама арабы распространили свое влияние на север от Аравии, создав на территории современного Ирака и Сирии небольшие государственные образования. Подобные образования существовали в период древней истории арабов и на юге Аравии.

В Средние века в результате арабских завоеваний, охвативших значительную часть Азии, Африки и Европы, границы арабского мира простирались далеко за свои нынешние пределы, доходя на западе до юга Франции, а на востоке – до Средней Азии и северо-западных областей Китая.

Арабская средневековая империя – Халифат – была создана в основном в течение первых десятилетий арабских завоеваний благодаря неукротимой энергии, мужеству, военному искусству жителей пустыни – бедуинов, объединенных исламом и верой в единого

Бога – Аллаха. Однако по прошествии менее чем двух столетий политическое единство Халифата было нарушено, а на его территории стали возникать политически независимые от воли халифа могущественные империи. В конечном итоге под натиском и сокрушительными ударами воинственных кочевых народов – тюрков, курдов, монголов, берберов – Халифат дрогнул и окончательно распался.

С начала XVI в. заселенные арабами земли были завоеваны турками-османами и превратились в составные части могущественной империи османов, просуществовавшей до 1920-х гг. Распад Османской империи облегчил государствам Западной Европы, прежде всего Великобритании и Франции, раздел арабских земель и превращение их в свои колонии и подмандатные территории. В настоящее время арабские страны занимают всю северную часть Африки, часть Западной и Юго-Западной Азии. Эта довольно значительная территория (более 14 млн кв. км) простирается от Атлантики до Индийского океана. На этой площади проживает сегодня более 300 млн человек.

Особенности политических систем ближневосточных государств оказали большое влияние на выработку политики в вопросах обеспечения безопасности и определения характера угроз. Формирование современной системы безопасности на Ближнем Востоке брало начало с момента обретения государствами региона политической независимости. В этот период в результате охватившего арабский мир национально-освободительного движения большинство его стран освободились от колониальной зависимости и начали строить независимые национальные государства (Воскресенский 2007: 39–41).

После Первой мировой войны и освобождения от господства Османской империи в ряде стран Арабского Востока колониальные державы установили политические режимы, построенные по образцам политических систем метрополий (Египет, Сирия). Этот процесс облегчался наличием ряда обстоятельств. Еще в XIX в. в результате реформ, которые пытались проводить отдельные арабские правители, сумевшие добиться фактической самостоятельности и независимости от Османской Порты (Мухаммед Али в Египте, например), в рамках традиционной элиты стала формироваться узкая прослойка современных по тому времени управленцев.

Первая египетская конституция была принята в 1882 г. без прямого участия европейцев. Подлинно национальное конституцион-

ное движение в арабских странах началось лишь после завоевания ими политической независимости, когда к власти в этих странах пришли новые социально-политические силы. А в таких государствах, как, например, Саудовская Аравия, конституционные основы стали закладываться лишь в начале 90-х гг. XX в. (Сапронова 2003: 5–25).

С другой стороны, активное проникновение западного капитала в арабские владения Порты и создание на их территории предприятий для обслуживания нужд промышленности западноевропейских стран приводило к росту потребностей в привлечении все большего числа местных жителей для работы на предприятиях современного типа. Таким образом закладывались основы создания новых элит с западно ориентированным политическим и социально-культурным самосознанием.

Данный процесс особенно усилился после фактического превращения многих арабских стран в колонии и полуколонии западноевропейских держав. Для работы в колониальной администрации требовались принципиально иные кадры, обладавшие высшим светским образованием, владевшие английским либо французским языком, знакомые с традициями европейской социальной мысли. В результате закладывались основы создания новой политической элиты с иным политическим и социокультурным самосознанием. Именно ее представители и возглавили национально-освободительные движения в арабских странах.

Сложившийся в период между двумя мировыми войнами баланс политических сил отразился в принятых в этот период конституциях. Для них было характерно закрепление примата исполнительной власти. Это отвечало интересам метрополий в их борьбе с национально-освободительными силами. Большинство арабских националистов выступали за расширение прав законодательной власти.

После Второй мировой войны арабские народы заявили о себе как об активной силе истории. На волне национально-освободительных движений и революций, подпитывавшихся идеями возрождения арабского национализма, исламского фундаментализма, арабские страны завоевали свою политическую независимость. Созданная в 1945 г. Лига арабских государств (ЛАГ) объединила в своих рядах 22 арабских государства. Наряду с 18 суверенными арабскими странами туда вошли Палестинская автономия, которая не имеет статуса государства, а также республики Джибути и Сомали

с неарабским населением, но с арабским языком в качестве одного из государственных.

После обретения политической независимости пришедшие к власти национальные правительства заимствовали многие западные демократические институты. Однако социальная структура бывших колоний и полукolonий имела лишь отдаленное сходство со своими аналогами в бывших метрополиях. Пересаженные на почву традиционных обществ западные демократические институты оказались мало похожими на свои прототипы. Как правило, они были неэффективными и нередко служили прикрытием для установившихся в 1950–1970-х гг. в большинстве арабских стран авторитарных режимов. Неоднородный состав традиционного общества, его раздробленность, отсутствие в нем социальных сил, способных повести за собой широкие массы, вели к этатизму и авторитаризму. В целях преодоления дезинтеграционных тенденций в условиях многоконфессионального и полиэтнического общества арабские правители были вынуждены опираться на концентрацию власти, чья непререкаемость и авторитет базировались на силе и принципе лояльности руководству.

В этой связи в большинстве республик Арабского Востока в качестве наиболее распространенного типа политического устройства утвердились однопартийные режимы в форме президентской республики. Для прикрытия истинного характера власти в ряде арабских государств разрешалось создание других партий. Однако государство оставляло за собой контроль над их деятельностью путем создания различного рода квазиполитических образований в виде Народных фронтов, куда они должны были входить наряду с правящей партией. На практике это формировало условия для возникновения сильной президентской власти, в подчинении которой оказывались законодательные и исполнительные органы государства. Именно авторитарные методы управления и сильное государство смогли мобилизовать ресурсы, необходимые для создания современных отраслей экономики, и обеспечить политическую стабильность после достижения арабскими странами политической независимости.

Начиная с 1970-х гг. политическая власть в регионе характеризовалась определенной стабильностью. Ситуация в этом плане значительно отличалась от периода военных переворотов 1950–1960-х гг. Начавшиеся в 1970–1980-х гг. процессы экономических реформ и политической либерализации как ответ на вызов ком-

плексных проблем общественно-экономического развития способствовали некоторому ослаблению авторитарных методов управления.

Однако сохранение относительной стабильности арабских режимов сопровождалось нарастанием внутренней напряженности, ростом межэтнических и конфессиональных противоречий. С конца 1970-х и в 1980-х гг. в арабском мире усиливались кризисные явления как в экономической, так и в политической сфере. Во внутренней жизни арабских стран обострились этнические, конфессиональные противоречия, дезинтеграционные процессы. В первой половине 1980-х гг. в межарабских отношениях стали преобладать центробежные тенденции. Подобная ситуация возникла во многом под воздействием ряда внешних факторов: Исламской революции в Иране, спровоцированной Ираком войны с Ираном, активизации политики США в регионе при односторонней опоре на Израиль и его безусловной военно-политической поддержки в конфликте с арабскими странами.

Израильский фактор. Возникновение в 1948 г. государства Израиль стало одним из важных факторов создания современной структуры международных отношений и системы региональной безопасности на Ближнем Востоке. Конфликт между еврейскими поселенцами и палестинцами приобрел черты международного кризиса и оказал заметное влияние на политику ближневосточных стран в вопросах безопасности. Арабо-израильские войны (1948, 1967, 1973, 1982 гг.) стали одним из факторов изменения баланса сил на Ближнем Востоке. Важным этапом ближневосточного кризиса стала июньская война 1967 г. Ей предшествовало обострение обстановки на границах Израиля и ряда арабских стран, прежде всего Сирии и Египта, вызванное возросшими взаимными опасениями в связи с прежними неурегулированными конфликтами и появлением новых озабоченностей в вопросах собственной безопасности. Израиль и США, как, впрочем, и шахский Иран, настороженно относились к возможным действиям пришедшего к власти в Египте, Сирии и Ираке революционного офицерства, которое могло попытаться в практическом плане реализовать свои идеологические установки арабского национализма, общеарабского единства и некоторых принципов социализма. Одновременно активизировали свою деятельность созданная в 1964 г. Организация освобождения Палестины (ООП) и Палестинское движение сопротивления (ПДС).

В этих условиях военно-политическое руководство Израиля приняло решение о нанесении 5 июня 1967 г. «превентивного удара» по противостоящим силам арабских государств.

В результате арабские армии потерпели тяжелейшее поражение. За шесть дней войны израильские войска захватили Синайский полуостров (Египет), Западный берег реки Иордан (Иордания), Голанские высоты (Сирия). 13 июня 1967 г. Советский Союз осудил действия Израиля. СССР потребовал немедленного созыва чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН для рассмотрения ситуации на Ближнем Востоке. Продолжавшаяся в течение нескольких месяцев напряженная политическая работа завершилась принятием Советом Безопасности ООН в ноябре 1967 г. резолюции № 242. Данная резолюция заложила основы общепризнанных принципов и схем арабо-израильского урегулирования. В целом ее основной смысл укладывается в известную формулу «мир в обмен на землю».

Однако быстрого продвижения к урегулированию на Ближнем Востоке не последовало. Израиль не спешил освобождать оккупированные территории, рассматривая их удержание как предмет торга с целью обеспечения собственной безопасности. Ряд арабских стран, в частности Сирия, полагали, что вывод израильских войск увязывался с неприемлемыми для арабов уступками. В результате обстановка в регионе только осложнилась, что привело к так называемой «войне на истощение», которая длилась между Египтом и Израилем с октября 1968 г. по август 1970 г. В этот период СССР оказал огромную по своим масштабам военно-техническую помощь Египту и Сирии.

К началу 1970-х гг. расстановка сил на Ближнем Востоке кардинально изменилась. Пришедший к власти в Египте после смерти Г. А. Насера в сентябре 1971 г. А. Садат вынашивал планы реванша и намеревался силой заставить Израиль освободить оккупированные территории. 6 октября 1973 г. египетская армия форсировала Суэцкий канал и приступила к освобождению Синайского полуострова. Одновременно сирийские войска начали операцию против израильских войска на Голанских высотах. Однако нескоординированный подход к военным действиям между Сирией и Египтом привел в конечном итоге к их поражению, несмотря на достигнутые в начале боев весомые преимущества.

В результате низкой активности египетских войска израильтяне сумели перейти в контрнаступление и на сирийском участке, отбив

значительную часть территории Голанских высот, которую сирийцам удалось освободить в ходе первого этапа кампании. Как и в 1967 г., позиция СССР позволила предотвратить сокрушительное поражение арабов и не допустить смену политических режимов в Египте и Сирии. Благодаря советско-американским контактам на высшем уровне и кропотливой работе советских дипломатов в СБ ООН 22 октября 1973 г. была принята резолюция № 338. Данный документ содержал ориентиры для прекращения состояния войны и строительства мирной инфраструктуры в регионе. Сирийско-израильское соглашение о разъединении войск, подписанное 31 мая 1974 г., предусматривало отвод израильских войск к западу от Кунейтры. Между израильскими и сирийскими войсками создавалась демилитаризованная зона, которая контролировалась наблюдателями ООН. В результате международного вмешательства в конфликт октябрьская война 1973 г. окончилась как бы «вничью». И арабская, и израильская стороны рассматривали итоги войны как свою победу.

Арабо-израильская война 1973 г. стала важнейшим этапом эволюции в ближневосточном конфликте и положила начало формированию новой военно-политической ситуации в регионе. С одной стороны, эта война стала одним из самых крупных сражений, которые велись после 1945 г. с применением обычных вооружений. С другой – по своим масштабам она стала последней войной такого рода между арабскими странами и Израилем. Нельзя исключать, что этому способствовал тот факт, что у лидеров Египта и Сирии появилась информация о возможном обладании Израилем ядерным оружием и готовности его применения в случае, если на карту будет поставлена судьба самого государства. Если факт наличия у Израиля к тому времени ядерного оружия практически не поддается достоверной проверке, то не приходится сомневаться в том, что во второй половине 1970-х гг. вооруженные силы страны значительно нарастили свою мощь. К концу 1970-х – началу 1980-х гг. израильская армия превратилась в одну из сильнейших военных машин не только в регионе, но и во всем мире, а угроза существованию израильского государства перестала существовать.

Неслучайно, что именно в этот период поиски мира на Ближнем Востоке значительно активизировались, причем при активном участии арабских стран. Возникшие в регионе благоприятные условия были использованы американской дипломатией для втягивания Египта в процесс сепаратных переговоров с Израилем. Переговоры

окончились подписанием Кэмп-Дэвидского договора в 1979 г., в результате которого Египет был выведен с орбиты единого антиизраильского фронта арабских государств. Несмотря на проведенную Израилем в ноябре 1981 г. в одностороннем порядке аннексию Голанских высот (Сирия), никаких ответных действий вооруженного характера с сирийской стороны не последовало. Более того, сирийско-израильская граница на Голанских высотах оставалась наиболее спокойным местом на линиях противостояния Израиля и арабских стран, а Дамаск и Тель-Авив предпочитали выяснять отношения преимущественно в Ливане и Палестине.

К началу 1990-х гг. в ближневосточном урегулировании сформировалась компромиссная модель переговорного процесса, общий смысл которой «земля в обмен на мир» базировался на принципах, зафиксированных в резолюциях № 242 и 338 Совета Безопасности ООН. Однако решающее значение для запуска всеобъемлющего мирного процесса имело изменение общего политического климата в регионе. В результате разобщенности арабских государств наряду с повышенной интернационализацией региональных конфликтов возможности ближневосточных стран по обеспечению безопасности своими силами были ограничены. С учетом возросшего значения Ближневосточного региона в системе международной безопасности США и СССР инициировали международную конференцию в Мадриде в 1991 г. Мадридская конференция запустила мирный переговорный процесс. Однако прорыв на одном переговорном направлении не обязательно означал ускоренное движение на других. После безрезультатного окончания сирийско-израильских переговоров, проходивших при посредничестве США в декабре 1999-го и январе 2000 г., и провала встречи сирийского лидера Х. аль-Асада и президента США Б. Клинтона в марте 2000 г. переговорный процесс на сирийско-израильском треке зашел в тупик. Попытки США добиться окончательного решения палестинской проблемы в июле 2000 г. в Кэмп-Дэвиде окончились безрезультатно. Приход к власти в Израиле правых сил, укрепление ХАМАС в Газе и интифада 2000 г. привели к свертыванию миротворческих усилий. Последствия войны в Персидском заливе (1990–1991 гг.) и американская оккупация Ирака (2003 г.) окончательно похоронили мирный процесс, который был инициирован СССР и США в Мадриде в 1991 г. Но региональные конфликты являлись одним из результатов соперничества мировых держав на Ближнем Востоке. Они развивались в рамках утверждавшейся в регионе биполярной системы международных

отношений. Данное обстоятельство выводило разрешение межгосударственных конфликтов с регионального уровня на глобальный масштаб. Однако наследие колониального прошлого и усилившиеся в ближневосточных странах опасения вновь оказаться под иностранной оккупацией в связи с образованием Израиля предопределили тот факт, что вмешательство внешних сил в процессы обеспечения безопасности нельзя было назвать эффективным. В то же время образование израильского государства и арабо-израильские войны оказали огромное влияние на характер арабо-израильских отношений, которые играют сегодня важную роль в структуре международных отношений и региональной безопасности на Ближнем Востоке. Фактически создание еврейского государства на палестинских территориях и последующая политика Израиля при опоре на США послужила определенным водоразделом между арабскими странами и Ираном, посеяв в их отношениях взаимную вражду и недоверие. Фактически все американские администрации повторяют одну и ту же ошибку в своей арабской политике. После оккупации Ирака США больше думали не о безопасности иракцев, а о безопасности Израиля. Сегодня администрация Д. Трампа заботится не о безопасности Газы и Дамаска, а о выживаемости еврейского государства в условиях превосходящего арабского населения и вынашиваемых иранскими радикалами планов геополитического реванша в Леванте. Если образованный президентом США Совет мира получит свое практическое воплощение, то достаточно быстро можно будет увидеть подтверждение этой мысли в реализации части его работы на Ближнем Востоке.

2. Ирано-арабские разногласия и региональная безопасность¹

После арабо-израильской войны 1967 г. Тегеран попытался сбалансировать установленные в 1950-х гг. отношения с Израилем за счет развития связей с некоторыми арабскими режимами. Любая нормализация отношений Ирана с арабскими странами шла вразрез с геополитическими интересами Израиля и порождала недоверие к Ирану со стороны арабских государств. Арабо-израильская война 1973 г. привела к временному поиску компромиссов между Ираном и Ираком. Последний опасался, что, воспользовавшись войной с

---

¹ В данном смысловом разделе дан краткий анализ лишь одного из многочисленных факторов, оказавших влияние на состояние и характер арабо-иранских отношений.

Израилем, Иран может открыть второй фронт на юге. Растущее влияние шиитского духовенства в Иране и Ираке и создание вооруженных шиитских формирований вызывало обеспокоенность Багдада. В 1973 г. Ирак возобновил дипломатические отношения с Ираном. Подобная политика последнего, возможно, решала некоторые задачи тактического характера, но в стратегических вопросах не имела особой эффективности. До арабо-израильской войны 1982 г. Ливан не представлял особого интереса для политики Ирана на Арабском Востоке. Отчасти это было связано с тем, что Ливан всегда был ареной межарабского соперничества. А в силу своего геополитического статуса не играл самостоятельной роли в региональной политике. Однако после войны 1982 г. Ливан превратился в один из важных плацдармов иранской внешней политики в регионе и ключевого звена в «Оси исламского сопротивления» в результате образования в 1982 г. «Хезболлы» и мобилизации активной части ливанских шиитов на антиизраильской основе. В Тель-Авиве надеялись, что Исламская революция 1979 г. в Иране поможет скорректировать позиции арабских стран в отношении еврейского государства. Действительно, революционная риторика Исламской Республики Иран (ИРИ) в одинаковой степени настораживала консервативных арабских лидеров и баасистов в Ираке и Сирии. Израиль делал ставку и на ирано-иракскую войну, рассчитывая, что ослабевший Иран может повернуться лицом к Израилю. Однако после Исламской революции 1979 г. ИРИ разорвала все отношения с Израилем и заявила о необходимости уничтожения израильского государства. Взаимодействие Тель-Авива и Тегерана являлось вневременным фактором напряжения в региональной политической среде. Израильский фактор оставался водоразделом между арабами и Ираном даже после революции в Иране и разрыва Тегераном отношений с Израилем. К тому времени, когда Иран взял жесткий антиизраильский курс, Египет подписал Кэмп-Дэвидские соглашения (1978 г.). Израиль заключил соглашение с палестинцами в Осло (1993) и мирный договор с Иорданией (1994). Последовательный курс Ирана на уничтожение израильского государства рассматривался в Египте, Иордании, арабских монархиях как препятствие на пути нормализации арабо-израильских отношений. Поддержка движений в Палестине типа ХАМАС и «Исламский джихад»² затрудняла арабские усилия по достижению компромисса с Израилем.

---

² Организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

В 2000 г. в ряде арабских столиц и Тель-Авиве при посредничестве США обсуждалась планы установления арабо-суннитского и израильского альянса против шиитского Ирана. В 2020 г. эти планы реализовывались в виде Авраамских соглашений, дальнейшая судьба которых в 2025 г. после июньской 12-дневной ирано-израильской войны с участием американских миротворцев остается неопределенной. Комплексность ирано-израильских отношений демонстрировала определенную политическую изолированность двух «аутсайдеров» арабского мира – Израиля и Ирана, их «зажатость» между арабскими амбициями и соперничеством мировых держав на Ближнем Востоке. Враждебность в ирано-израильских отношениях, как, впрочем, и согласие, автоматически не гарантировала Тегерану и Тель-Авиву дружбу с арабскими странами. В действительности Иран и Израиль обладали достаточно ограниченным политическим инструментарием в выстраивании отношений в арабской среде. На практике это вело к обострению ирано-израильского противостояния в регионе. Сирийские события и война в Газе, в которые оказался вовлеченным Тегеран, во многом благодаря созданным им же милициям и палестинской части «Оси исламского сопротивления» (Яхья Синвар. – В. А.) способствовали смене режима в САР, усилили ирано-израильское вооруженное противостояние и вовлекли в него в качестве активного участника США. Сложившаяся в регионе ситуация после окончания «горячей» фазы войны в Газе и смены власти в Сирии сформировала новые военно-политические контуры развития Ближнего Востока в обозримой перспективе. Прежний баланс сил на Ближнем Востоке кардинально изменился. На смену утратившей былое влияние шиитской «Оси исламского сопротивления» пришли суннитские политические силы и вооруженные милиции. Разгром сил исламского сопротивления в Палестине, Ливане, Йемене, Сирии и Ираке не принес мир в эти арабские страны и не укрепил безопасность Израиля. В Сирии на смену баасистскому режиму аль-Асада пришли исламисты в лице ХТШ – организации, которая совсем недавно являлась сирийским филиалом «Аль-Каиды»³. После двух лет с начала атаки ХАМАС в Газе перспективы урегулирования арабо-израильского конфликта определялись продолжавшимися столкновениями в Палестине и хрупким перемирием в Ливане. Общий вектор международных дипломатических усилий был сфокусирован не столько на достижении

---

³ Организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

прочного мира, сколько на попытках управления конфликтом. Объявленный президентом Д. Трампом в середине октября 2025 г. после встречи с Б. Нетаньяху мир в Палестине на основе разработанного им мирного плана, конечно, заслуживает всяческих похвал и одобрения. Вот только есть большие сомнения в том, что мирная, как всегда сепаратная, инициатива американского президента сильно обрадовала правых и успокоила левых в израильском кабинете. Вряд ли она вселила в сердца большинства ближневосточных лидеров пламенные надежды на скорый, всеобъемлющий, прочный мир в регионе. Да и представители Нобелевского комитета не увенчали Д. Трампа лаврами миротворца. Отсутствие четких израильских планов, в которые на постоянной основе вмешивались доверенные лица президента США Д. Трампа, по окончании войны в Газе, наряду с усилившимся стремлением нанести упреждающий удар по «Хезболле», делало ситуацию в Леванте плохо предсказуемой. Несмотря на то что в результате ударов Израиля и США шиитские милиционные группировки понесли тяжелые потери, они выжили политически, но утратили былое региональное влияние, уступив место суннитским политическим силам. Несмотря на снижение боевого потенциала «Хезболлы» в результате израильских атак, организация продолжала угрожать безопасности Израиля на севере и в центре, значительно укрепила отношения с Турцией, пограничные с Ливаном районы которой с 1995 г. служили альтернативным маршрутом контактов с ливанским сопротивлением. Для того чтобы «Хезболла» оказалась на обочине политического процесса, потребовалось бы существенно укрепить ливанскую армию и силы безопасности, а также создать политическую альтернативу «Хезболле» в шиитской общине Ливана, на что давно утратившая свой боевой потенциал «Амаль» категорически не готова. В условиях сохранения политического конфессионализма в качестве принципа государственного управления и ограниченных финансовых ресурсов решить эту задачу в обозримой перспективе было практически невозможно. На фоне неопределенной позиции ливанских политических сил и западных стран по вопросу об оружии «Хезболлы» особенно заметна решимость Тегерана усилить отряды Исламского сопротивления в Ливане и Палестине. Тем более результаты вооруженной конфронтации между Ираном и Израилем в 2025 г. создавали неопределенность в динамике ирано-израильского противостояния в 2026 г. Многие зависело от стратегических и политических представлений Тель-Авива и Тегерана и ближневосточной

политики администрации Д. Трампа. В целом американо-израильские удары по Ирану и их возможные последствия показали отсутствие согласованных международных усилий в борьбе с терроризмом и укреплении региональной безопасности на Ближнем Востоке. Расчеты на протестные движения в Иране в 2026 г. могут во многом оказаться несостоятельными. Неясно, чем именно они для иранских властей опаснее протестов 2022 г. Большинство протестующих сегодня иранцев с недоверием относятся к возвращенной на Западе иранской оппозиции и с трудом представляют на властном поприще Ирана потомков династии Пехлеви. Впрочем, схожая ситуация совсем недавно складывалась вокруг Сирии, когда часть зарубежной сирийской оппозиции видела своим лидером генерала и друга Б. аль-Асада Манафа Тласа, сына легендарного министра обороны САР и друга Х. аль-Асада Мустафы Тласа, который при саудовском посредничестве без проблем покинул охваченную огнем гражданской войны Сирию и переселился во Францию. Манаф Тлас предпочел продолжать заниматься своими виноградниками на живописном побережье Франции. Вместо него к власти в САР пришел адепт салафизма – облегченной и политизированной саудовскими клерикалами версии жесткого ваххабитского мазхаба для внешнего потребления.

Усилившиеся в последние месяцы политические спекуляции на тему возможного заключения мира между Дамаском и Тель-Авивом до конца 2026 г. вынуждали А. аль-Шараа разыгрывать карту иранской угрозы, чтобы хоть как-то усилить переговорную позицию САР. На самом деле фактор внешней угрозы в лице Ирана играл второстепенную роль в мотивации опасений режима за свою безопасность. Тем более указанные опасения искусно подогревались извне. Назначенный Д. Трампом спецпосланником в САР посол США в Турции Т. Барак неоднократно публично выражал обеспокоенность возможными попытками Тегерана ликвидировать сирийского президента и совершить государственный переворот в САР. На деле ситуация с иранской угрозой выглядела, на наш взгляд, не столь линейно. А вот израильская оккупация сирийских земель куда больше беспокоила аль-Шараа и его администрацию. Падение режима аль-Асада стало неожиданностью для Израиля и поставило под угрозу безопасность израильских поселенцев на Голанских высотах, которых охраняла сирийская армия по соглашению о демаркационной линии 1974 г. Реакция Израиля была неоднозначной. Он продолжал бомбить сирийскую территорию, вооружения и воен-

ную технику сирийской армии, чтобы она не попала в руки тех, кто мог начать кампанию за возврат территорий. Одновременно Израиль продвинулся вглубь сирийской территории, в районы горы Хермон и Кунейтры. Израиль поддержал сепаратистские выступления друзей Сувейды по просьбе друзского шейха в Израиле в силу его особых отношений с шейхом сирийских друзей Хикматом аль-Хиджри. Израиль не собирался выводить свои войска с юга Сирии и возвращаться к положениям соглашения о демилитаризованной зоне 1974 г. Тель-Авив опасался размещения турецких сил на юге САР и растущего военно-технического сотрудничества между САР и Турцией. В Израиле считали, что ряд селений юга Сирии могли стать путями отправки оружия «Хезболле». Однако опасались, что неуступчивая позиция страны в конечном итоге может способствовать объединению Турции и Ирана в сирийском вопросе. Под влиянием происходящих на сирийско-израильском переговорном треке событий аль-Шараа решил окончательно покончить с курдским сепаратизмом к концу января 2026 г., и ему это почти удалось. В конечном итоге он публично признал курдов неотъемлемой частью сирийской нации (об арабском национализме мы поговорим ниже. – В. А.), очевидно, забыв поинтересоваться мнением самих курдов по вопросу их этнической принадлежности. После этого в ближайшем окружении нового сирийского президента стали «шепотом» приговаривать – сначала Дейр аль-Зор и Алеппо, потом аль-Сувейда, затем Кардаха и, наконец, Иерусалим⁴. Вот только остались невыясненными два вопроса. Если аль-Асадам с их сравнительно сильной армией сделать этого не удалось, то как это смогла сделать только формирующаяся новая сирийская армия, прием в ряды которой обставлен рядом условий? И что скажут о своем идеологическом соратнике десятки бойцов запрещенной в России организации ИГИЛ, которым удалось вырваться из тюрем Сирийских демократических сил (СДС), бойцы которых стойко сражались с превосходящими силами войск аль-Шараа? Впрочем, некоторые из них уже успели до описанных событий высказать свое отношение к президентству А. аль-Шараа. На размещенный ими пост в социальных сетях на официальном бланке ИГИЛ не стоило бы обращать особого внимания, если бы не одно «но». В опубликованном тексте четко разграничены историко-правовые аспекты шариата и современные юридические нормы на основе

---

⁴ Из личного архива автора.

шариата (мусульманского права). Они внедрены в актуальный политический дискурс и общественно-политическую практику, которой должно следовать не только обычным мусульманам, но прежде всего их политическим и духовным руководителям и наставникам⁵.

В этом контексте становится очевидным, что в краткосрочной перспективе шансы на достижение прочного и всеобъемлющего мира между Сирией и Израилем, другими арабскими странами практически отсутствуют. Напротив, растет напряженность в отношениях ведущих региональных стран, прежде всего Израиля, Турции и Ирана. Историческое наследие арабо-израильских войн предопределило тот факт, что в XXI столетии этот конфликт только усилился и не исчерпывался палестино-израильским противостоянием. Несмотря на мирные Авраамские соглашения 2020 г., перемирие враждующих сторон (Аль-Худна) не столько является плодом внешних односторонних усилий, сколько достигается в результате обоюдного согласия участников конфликта. Анализируя проблему арабо-израильских отношений, необходимо учитывать широкий региональный и международный контекст. Установление пусть даже «холодного» мира между арабскими странами и Израилем оказало бы незамедлительный эффект на региональный баланс сил, а с учетом международной значимости Ближнего Востока как важнейшей транспортной артерии и энергетической кладовой повлияло бы на изменение характера всего спектра международных отношений.

На региональном уровне не все арабо-мусульманские государства Ближнего Востока были готовы к такому повороту событий, поскольку арабо-израильское примирение ломало привычные схемы выстраивания региональной структуры безопасности, где доминировали Египет и Саудовская Аравия, Иран и Турция. После укрепления у власти в Турции исламской партии (турецкий филиал «Братьев-мусульман»⁶) мессианские настроения в турецком руководстве только усилились. Иран не мог допустить отрыва от арабо-мусульманской базы и политической изоляции ИРИ в регионе, чему могли способствовать мирные арабо-израильские переговоры.

---

⁵ Автор особо подчеркивает, что ознакомление с подобного рода документами делается исключительно в научных целях. Он категорически отрицает любые идеи этой террористической организации, считает их вредными и опасными.

⁶ Организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

Мир между арабскими странами и Израилем являлся одним из стратегических моментов, определявших будущее всего Ближнего и Среднего Востока и с этой точки зрения затрагивал противоположные и несхожие интересы и позиции многих участников ближневосточного политического процесса.

Таким образом, многие прежние оценки, отличавшиеся высокой степенью генерализации, в вопросах исследования социально-политических сдвигов на современном Ближнем Востоке перестали адекватно отражать реальное положение дел. В результате больше внимания стоит уделять как личностным характеристикам ближневосточных политиков, так и новым трендам в развитии современного ближневосточного политического процесса в поисках новых механизмов обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке.

3. Контуры политических трансформаций арабских политических систем

Под влиянием процессов глобализации и модернизации и сильным политическим нажимом со стороны США арабские лидеры, несмотря на сильный дух политического консерватизма, были вынуждены постепенно реформировать традиционную политическую систему, расширяя права и свободы граждан и повышая роль исполнительных органов власти. Указанные обстоятельства заставили власти пересматривать прежние политические концепции и вносить коррективы в планы развития. Лидеры большинства государств региона были вынуждены признать, что, несмотря на доходы от экспорта нефти и вне зависимости от декларированной политической модели, им не удалось обеспечить быстрый переход к постиндустриальной стадии развития и тем самым ликвидировать отставание от промышленно развитых стран Запада. Арабские элиты и общество в целом оказались неготовыми принять западные модели модернизации. На фоне процесса смены власти в арабских странах активизировались попытки изменить характер политических систем.

Процесс формирования новых контуров политических систем арабо-мусульманских стран Ближнего Востока проходил в острой борьбе крупных социально-политических сил региона (Труевцев 2020: 370). В этих условиях некоторые арабские правительства попытались укрепить свою легитимность путем выборов. Однако в главном выигрыше оказались исламистские движения, которые стремились построить политическую систему, основанную на прин-

ципах сочетания базовых элементов демократии и исламских ценностей. Впрочем, светские или оппозиционные политические партии, будь то запрещенные или легализованные, располагали еще меньшим влиянием на процессы выработки решений. В результате большинство арабских стран испытывало острый кризис политической самоидентификации, в их руководящих структурах шла ожесточенная борьба за лидерство (Leftwich 1993: 605). В условиях, когда большинство ближневосточных государств пыталось осуществить переход от авторитаризма к более либеральной модели управления, создавалась реальная опасность подрыва существовавшего военно-политического баланса в регионе.

Армия и офицерский корпус всегда служили определенным гарантом суверенитета и безопасности ближневосточных стран. В начале XXI в. армия неоднократно вмешивалась в политическую жизнь ближневосточных государств. Являясь важным политическим элементом общественной системы, она непосредственно участвовала во всех социальных процессах. Офицеры объективно влияли на выбор пути развития в соответствии с интересами определенного класса или определенных социальных групп. При этом внутривнутриполитическая роль армии в различных ближневосточных государствах определялась характером политического режима в той или иной стране.

На рубеже 1950–1960-х гг. военные вышли за рамки своих обычных функций и начали мыслить о себе как о политической силе (Ахмедов 2008). В ближневосточных обществах относительная самостоятельность являлась имманентным свойством армии как надстроечного института. На переломных этапах развития ближневосточных государств относительная самостоятельность армии трансформировалась в гипертрофированную политическую активность. Особенности классовой структуры ближневосточных государств того времени определили высокий удельный вес в обществе и значительную роль в политической жизни промежуточных и средних социальных слоев. В их число входило офицерство, которое, опираясь на вооруженную силу, имело потенциальную возможность воздействовать на политику страны.

Армия превратилась в важнейший силовой инструмент политической власти. Взаимодействуя с политикой, армия выступала ее объектом и субъектом. Подобный дуализм накладывал отпечаток на характер активности армии как субъекта политики. Выступления военных почти всегда приурочивались к моменту, когда про-

тивоборство в обществе достигало критической точки и правящий режим оказывался под угрозой. Похожую ситуацию можно было наблюдать на разных этапах исторического развития Египта, Сирии, Ирака, Алжира (Ахмедов 2002).

В политологии роль армии в политической жизни изучалась в рамках теории военно-гражданских отношений, которые рассматривались как система, состоявшая из взаимозависимых элементов. Для их обобщающей характеристики в теории военно-гражданских отношений использовалась категория «гражданский контроль». С этой точки зрения значение имеют типологии гражданского контроля, разработанные С. Хантингтоном и Э. Нордлинджером. С. Хантингтон отмечал, что одной из важнейших задач независимых арабских правительств являлось установление гражданского контроля над армией с целью ограничения влияния военных на политику (Huntington 1991: 269).

В теории «либеральная» модель являлась наиболее эффективной для установления гражданского контроля над армией. Однако на практике сами гражданские нередко нарушали этику поведения в отношении военных. Они стремились контролировать процессы назначения и продвижения по службе в армии, а также прибегать к услугам военных для обеспечения собственных политических интересов. Подобное поведение гражданских властей формировало мотивированную основу для возникновения «преторианских» настроений в армии. Укоренение в общественном сознании культуры «гражданской этики» во многом зависело от высокого авторитета гражданских правителей в армейских кругах. Однако в силу способности многих руководителей завоевать такой авторитет, с одной стороны, и завышенных ожиданий военных в отношении политиков – с другой, в большинстве ближневосточных стран правящие режимы не получали устойчивого одобрения со стороны армии (Nordlinger 1977: 13).

Третий тип гражданского контроля над армией мог быть реализован, когда гражданские лидеры обеспечивали лояльность армии путем внедрения в вооруженные силы соответствующей политической идеологии и института политработников. В результате достигалась схожесть политического мировоззрения гражданских служащих и военных, что снимало потенциальную угрозу возникновения конфликта между ними. Наряду с профессионализмом и личными качествами политический конформизм определял продвижение по службе в армии. Данный метод требовал разработки строгой

системы контроля, проверки и наказаний. Повышалась роль спецслужб в армейской среде, чьи руководители подчинялись, как правило, гражданским властям. Достаточно убедительным примером действия подобной модели могла служить Сирия периода правления Х. аль-Асада (1971–2000 гг.).

В большинстве арабских стран с учетом особенностей их развития и традиций взаимоотношения военных и гражданских элит наиболее часто использовался смешанный тип гражданского контроля. В условиях, когда в течение последних десятилетий у руководства большинства арабских стран стояли кадровые военные, говорить о гражданском контроле в чистом виде не приходилось. Скорее речь могла идти о политическом контроле над армией в целях обеспечения стабильности режима (Ахмедов 2004: 3–23).

Противоположностью гражданского контроля являлось вмешательство армии в политику, которое в западной научной литературе нередко обозначалось термином «преторианство» (Nordlinger 1977: 2–3). На практике это означало проведение военными в жизнь собственных политических решений с использованием силы или угрозы ее применения. Но участие военных в политике не исчерпывалось столь крайними мерами. Оно могло протекать в более умеренных формах, в рамках действовавших в данном обществе законов и норм. На деле вооруженные силы любого государства, даже того, где верховенство гражданской власти не вызывало никаких сомнений, обладали значительным политическим влиянием. Его источниками являлись уже само предназначение армии, ее функции, материальные ресурсы и возможности, которыми она была наделена для выполнения возложенных на нее задач.

Национальные особенности и религиозные предпочтения населения отражались на их отношении к военному делу. Они оказывали влияние на порядок комплектования войск, способ их боевых действий, боеспособность и боевые качества личного состава, моральный дух армии, его специфику. Так, консолидация и конституирование наций, защита национальных интересов и ценностей, обеспечение национальной безопасности выступали серьезной и постоянной мотивацией активности военных, влияли на содержание военной политики государств. Однако эти показатели не оставались неизменными и в процессе развития утрачивали одни и приобретали другие особенности. В этой связи рассмотрение вооруженных сил лишь как орудия правящего режима, сущность которого однозначно определяется природой и характером государства, представ-

ляется неправомерно ограниченным. Для полномасштабной и адекватной оценки роли армии в политике необходимо учитывать весь комплекс ее измерений. Именно конкретное соотношение разных элементов структуры армии как субъекта политического процесса, преломляющееся через мотивацию офицерского корпуса, и определяет в конечном счете ее политическое поведение.

4. Роль национализма и исламизма в строительстве современных ближневосточных государств и фактора региональной безопасности

В последние два столетия основным типом идеологии, который использовался в большинстве государств как для определения коллективной идентичности армии, так и для мобилизации общества, служил национализм (Halliday 1999: 27). Некоторые государства использовали для мобилизации своего населения политические идеологии прошлого столетия. В то же время, как правило, сочетание политической идеологии и национализма зачастую определяло тип национализма, используемого государством. Однако арабский национализм появился значительно позднее, наглядно проявившись уже в процессе национально-освободительной борьбы.

В основе современной политической организации большинства ближневосточных стран лежал принцип национализма. Исторически развитие арабского национализма осуществлялось в процессе взаимодействия светского и религиозного (исламского) направлений. Превалирование одного над другим было связано прежде всего с конкретными историческими условиями развития арабских стран и складывающейся в них и регионе политической конъюнктурой. Арабский национализм второй половины XX столетия представлял собой модификацию политических движений конца XIX в., основанных на представлениях об арабах как единой нации и служивших знаменем борьбы арабских народов против Османской империи. Зародившись как один из элементов арабского культурно-просветительского движения (аль-Нахда) в конце XIX столетия, арабский национализм не сразу стал ведущим течением в общественно-политическом сознании арабов, идеологическим авангардом их политических движений. Долгое время идеи панисламизма и османизма служили сдерживающим фактором в развитии панарабизма.

На рубеже XIX–XX вв. многие арабские политические деятели весьма скептически относились к идеям арабского национализма и

полагали, что они подрывают силу Османской империи – единственно мощного (на тот период времени) исламского государства, способного противостоять экспансионистским устремлениям христианского Запада. Поэтому идеи арабского национализма, в том числе и партикулярного характера, развивались в это время в основном в рамках панисламизма и османизма, а требования арабских националистов редко выходили за рамки автономии в составе Османской империи. И только Великое арабское восстание 1916 г., в ходе которого арабы открыто с оружием в руках выступили против османского господства за создание собственной арабской империи, явилось переломным моментом в процессе эволюции идей арабского единства.

Определенное доминирование светского направления в арабском национальном движении после Первой мировой войны было во многом связано с тем обстоятельством, что основу его последующего развития формировали в период ан-Нахды преимущественно арабы-христиане азиатских провинций Османской империи, которые были особенно подвержены влиянию секулярных европейских идей. В своих теоретических изысканиях и подходах к определению панарабизма они делали особый упор на общность арабского языка, культуры и истории и исходили из того, что нация объединяет людей в рамках политической и гражданской общности, а не религиозной. К тому же они плохо представляли себе, как в условиях многоконфессионального арабского общества можно достигнуть арабского единства исключительно на базе ислама. Однако многие арабские интеллектуалы и национальные лидеры той поры видели в арабском единстве не столько цель, сколько средство догнать Запад в его военном и техническом превосходстве, что также служило укреплению светской линии в национальном движении арабов.

Напротив, в районах арабского Магриба идеология арабского национализма формировалась в основном на базе идей исламской солидарности, что было связано с традициями и характером движущих сил национально-освободительной борьбы в этом регионе, которая проходила под знаменем ислама. Однако уже к концу 1930-х – началу 1940-х гг. в государствах Арабского Востока исламская составляющая арабского национального движения стала заметно усиливаться. Во многом это было связано с чувством глубокого разочарования значительной части либеральных арабских сил «цивилизаторской» миссией секулярного и просвещенного Запада.

В результате ближневосточной политики западных держав арабы не смогли создать свое единое государство. Их земли оказались произвольно поделены между Великобританией и Францией, попали от них в колониальную зависимость, используя которую, западные державы активно поддерживали процесс создания в Палестине национального еврейского очага. Используя антизападнический потенциал ислама, исламскую религию как основу культурного арабского наследия, арабские националисты пытались придать своему движению самобытный, отличный от Запада характер. К тому же начавшийся в этот период подъем антиколониального движения в арабских странах вывел на политическую авансцену Ближнего Востока новые социальные силы, чьи мировоззрение и поведенческий стереотип в значительной мере определялись исламом.

После Второй мировой войны данный процесс продолжился и получил свое выражение в развитии концепции *уруба* (дух арабского самосознания) в направлении укрепления связи арабского национального начала с исламом. Развернувшаяся в арабских странах на рубеже 1950–1960-х гг. борьба за выбор пути развития привела к власти в ряде ключевых стран арабского мира представителей светских арабских националистов (баасисты, насеристы), которые пытались осуществить развитие на путях идей социализма.

Подобные трансформации существенно укрепили значение секулярных тенденций в арабском национальном движении и повысили роль панарабизма в политике арабских государств. Несмотря на это, исламское направление в арабском национализме не исчезло, а лишь временно отошло на задний план. Даже самые прогрессивные и светские руководители арабских стран были вынуждены искать легитимность своего правления в приверженности к исламу и учитывать интересы исламизированных слоев населения в процессе формирования социальной базы поддержки власти (об особенностях арабского национализма и его соотношении с исламом см. также: Гринин 2019; Гринин, Коротаев 2019; Grinin *et al.* 2019).

На институциональном уровне это выражалось в том, что практически во всех арабских конституциях ислам провозглашался государственной религией, а ряд положений шариата рассматривались как источник права. Создание независимых государств после Второй мировой войны шло под знаменем национализма на базе возникших после распада Османской империи европейских колоний, многоконфессиональный и полиэтнический характер которых был во многом обусловлен произвольным установлением нацио-

нальных границ в колониальный период. В результате для государственной стабильности и территориальной целостности независимых арабских стран создавалась потенциальная угроза. С одной стороны, их существование базировалось на принципе национализма, под знаменем которого они боролись против колониального господства. И в этом смысле их политическая организация представляла собой так называемую нацию-государство.

Легитимность нации-государства, как и всех других политических организаций, определялась его способностью обеспечивать базовые интересы граждан. В условиях глобализации эта способность стала подвергаться постепенной эрозии. Большинство добившихся независимости стран на деле оказались слабы в политическом и военном отношении, несамостоятельны экономически. Они не могли обеспечить эффективное управление, накормить свое население и защищать себя и искали поддержки более сильных государств. Современные технологии связи, транспорта и коммуникаций, промышленного производства вооружений также подрывали защитную функцию нации-государства. В условиях полиэтничного общества национализм таил в себе скрытую угрозу государственной децентрализации, поскольку мог быть использован крупными этническими и религиозными сообществами в их борьбе за самостоятельность.

Изменение геополитической обстановки в 1990-х – начале 2000-х гг. разрушило сложившийся баланс сил на Ближнем Востоке. Служившие на протяжении нескольких последних десятилетий в качестве идеологической и легитимирующей основы правящих арабских режимов секулярные идеи панарабизма, арабского национализма не нашли своего практического воплощения. Арабские правительства не смогли решить главные проблемы – преодолеть экономическую отсталость, вернуть оккупированные территории, обеспечить создание палестинского государства, защитить арабские народы от внешней агрессии.

С другой стороны, представители политических движений ислама продемонстрировали возможность прихода в органы власти как мирным, демократическим путем, так и с помощью силы. Исламские организации не обладали устойчивыми политическими позициями внутри своих стран и не пользовались согласованной поддержкой различных слоев общества. У них не было необходимого опыта государственного управления. Программы развития,

учитывающие интересы большинства многоконфессионального и полиэтнического населения этих стран, только разрабатывались. Вероятность легитимации их власти была весьма сомнительна не только за рубежом, но и внутри страны. Отставка правительства М. Мурси в Египте в 2013 г. менее чем через год после его избрания показала, что организации политического ислама не обладали возможностью долго удерживать власть, тем более способностью справляться с решением сложных внутри- и внешнеполитических задач самостоятельно, без поддержки извне. Новая идеология политического ислама пыталась совместить национализм с идеями исламской демократии в качестве принципа государственного строительства. В этой связи пересматривались традиционные представления об исламской умме как общине единоверцев независимо от их национальной принадлежности. Ряд исламских идеологов (египетский шейх Юсеф аль-Кардави, бывший глава тунисской исламистской партии «Аль-Нахда» Рашид Гануши) стремились приспособить ислам к демократии, «демократизировать» его. Это заставляло их модифицировать оригинальные воззрения исламских идеологов, в основе которых лежали идеи создания исламского халифата. В программных заявлениях большинства подобных организаций не шла речь о создании единого исламского государства в обозримой перспективе. Они призывали к созданию «исламского демократического государства» в существующих национальных границах. Большинство выступало за отказ от насилия как средства политической борьбы. Они осуждали терроризм, поддерживали принцип проведения свободных парламентских выборов, пересматривали идею божественности власти. В то же время многие исламские движения шли на выборы с лозунгами «Ислам – это решение», «Ислам – это религия и государство». Действовавшие в арабском мире националистические концепции по принципу соотношения в них национализма и ислама не позволяли на практике объединить усилия различных политических сил и движений региона исключительно на религиозной основе. В концепциях «национал-исламистов», где превалировал светский элемент, ислам выступал как фактор национальной культуры, способный сыграть положительную роль в судьбах арабской нации. Понятие же уммы как религиозной общины и понятие нации были резко разграничены. С точки зрения реальной политики ислам представлял собой не столько цель, сколько средство для решения национально-государственных задач. С другой стороны, хотя в концепциях «исламонационалистов» секуляризм и

оставался основой, но ислам характеризовался как органическая часть арабской самобытности. Исламские националисты были склонны рассматривать арабов как часть мусульманской общины. В практическом же плане подчеркивался приоритет национальных интересов, поскольку по сравнению с исламом панарабизм толковался как более открытая система, для которой не существовало конфессиональных границ. Лозунги принадлежности к общей арабской нации весьма неоднозначно воспринимались курдами в Ираке и Сирии, представителями малых народностей, веками живущих в арабских странах и имевших общую с арабами историю и язык. Принцип равенства всех наций и этносов в исламе оставлял открытым вопрос о положении религиозных меньшинств, представителей различных толков в самом исламе и просто атеистов. В кругах интеллектуальной арабской элиты активно дискутировалась идея гражданства, предполагавшая равноправие всех граждан как основы для объединения националистов и исламистов, ответ на межрелигиозную рознь. Рост движений политического ислама различного спектра остро ставил вопрос о возможной основе объединения идеи светского арабского национализма и исламизма для выработки новой идеологии наднационального характера. Возможно, различные националистические концепции должны были лечь в основу более сильной политической системы, которая могла защитить своих граждан, поддержать внутренний порядок, обеспечить справедливость между различными группами населения. При таком устройстве национальные и религиозные меньшинства могли быть органически встроены в структуру этноконфессионального государства, не обладая при этом какими-то особыми привилегиями и исключительностью своего статуса. Однако в условиях отсутствия подлинно гражданского общества в арабских странах такое решение проблемы представлялось нежизнеспособным.

Более того, расцветшие на волне арабского национального освободительного движения 1950–1960-х гг. идеи арабского национализма, панарабизма, с одной стороны, и идеологические концепты Исламской революции 1979 г. в Иране – с другой, оказали отрицательное влияние на характер межарабских и арабо-иранских отношений, активировав в них факторы религиозных и этнических различий, что негативно отразилось на состоянии региональной безопасности на Ближнем Востоке и облегчило вмешательство внешних сил за счет использования суннитско-шиитских разногласий.

5. Иран и арабские страны между национализмом и исламом

Активизировавшийся на Ближнем Востоке в 1970–1980-е гг. процесс модернизации и реформ, создания современных национальных государств по модели «нация-государство» послужил одной из причин раздора в межарабских и арабо-иранских отношениях. Автор сознательно опускает описание последствий арабизации и исламизации Ирана в ходе арабских завоеваний 642 г. н. э., чтобы не вращать корнями в глубину истории. Но при этом должен отметить, что исламизация и частичная арабизация изменили иранскую цивилизацию и культуру, вызвав историческую травму у иранцев, которая периодически выплескивается на улицы иранских селений и городов в ходе маршей протеста по типу волнений зимы 2025–2026 гг.

Исторически иранский национализм противостоял угрозе арабского и турецкого экспансионизма, претендовавшего на часть территории Ирана под предлогом объединения арабских или турецких земель. Акцент на персидском характере иранского национализма мог оттолкнуть от власти национальные меньшинства. Поэтому власть прежде всего делала упор на «иранизм» как основу единой иранской нации. Национальному движению в Иране противостояло иранское духовенство, которое считало, что националисты поставили в центр иранской нации ее идентичность, культуру и лояльность вместо шиитского толка ислама. Любопытно, что левые силы в Иране также выступили против националистов. Они способствовали развитию субнациональных традиций и пропагандировали этнический и лингвистический партикуляризм, порицая имперские традиции персов. Такой подход в корне отличался от практик арабского национального движения, в котором левые и социалисты стали ярыми сторонниками панарабизма. В арабских странах и Турции ислам и этнический национализм усиливали друг друга. Ислам служил объединительным целям национализма, а национализм помогал решать задачи панисламизма. В Иране же существовала дихотомия между национализмом и исламом. Она придавала иранской внешней политике двойственный и противоречивый характер. Это стало особенно заметным после исламской революции в Иране и попыток практически реализовать тезис об экспорте исламской революции в арабских странах Ближнего Востока. Шиитский партикуляризм Ирана также усиливал подозрения арабов в отношении ИРИ, несмотря на то что иранский режим пытался придать рево-

люции общий исламский характер, чтобы не дать представить ее как шиитский феномен. В этой связи арабские клерикалы считали, что Иран проводит националистическую и экспансионистскую политику под знаменем ислама. В этих условиях провал светского проекта развития в арабском мире, исторически сложившееся соперничество и различия этнического и конфессионального характера между Ираном и арабскими странами вылилось в форму острого вооруженного противоборства. Ирано-иракская война и арабские нападки на Иран усиливали позиции иранских националистов. Некоторая «ограниченность» исламской идеологии в плане развития новых институтов государства и реформирования старых вынуждала иранские власти терпимее относиться к национализму как более гибкому инструменту реформ. С приходом к власти президента М. Ахмединежада (2005–2013) развитие иранского национализма возобновилось. М. Ахмединежад и его сторонники рассматривали Иран не только как территориальный и этнический конструкт, но и как культурный феномен и продукт древней цивилизации. Эти взгляды оставили отпечаток в иранском социуме и сформировали общественный запрос на развитие иранизма, национализма как основы иранской идентичности и альтернативы исламу. Развитие теорий панарабизма и арабского национального движения наряду с иранским национализмом осложнило арабо-иранские отношения. В процессе строительства новых национальных государств ряд арабских стран, прежде всего Ирак и монархии Персидского залива, использовали образ Ирана в качестве чуждого им объекта, от экспансии которого необходимо защищаться. Присутствие на территории этих стран анклавов с иранским населением и культурное влияние Ирана на их подданных усиливало враждебное отношение этих государств к ИРИ. Попытки Ирана упрочить свои позиции в Персидском заливе были восприняты арабскими странами как дополнительное доказательство враждебности и экспансионистского характера иранского национализма. В условиях монархического правления укрепление национализма в Иране совпало с возрождением чувств исторического соперничества с арабами. Однако, как показал опыт Исламской Республики, ограничение ислама национализмом не способствовало развитию дружеских связей между арабами и иранцами. После Исламской революции многие арабские страны обвинили Иран в попытках экспортировать шиизм. Таким образом, традиционные различия в этническом и религиозном отношении на переломном этапе развития Ближнего Востока

превратились в вопросы национальной безопасности и сохранения целостности государства.

Такой подход может способствовать осмыслению вопроса о роли религии в армии, что чрезвычайно важно для полноты раскрытия темы настоящего исследования в условиях роста движений радикального ислама и трансформации природы войны на Ближнем Востоке.

Роль религии в ближневосточных армиях определялась характером правящего режима и его идеологией. В то же время такая связь не являлась безусловной. В основе современной политической организации большинства ближневосточных стран лежал принцип национализма. Исторически развитие арабского национализма осуществлялось в процессе взаимодействия светского и религиозного (исламского) направлений (Левин 1979). Превалирование одного над другим было связано прежде всего с конкретными историческими условиями развития арабских стран и складывающейся в них и регионе политической конъюнктурой. В Турции, Египте, Сирии, Ираке власти старались придерживаться светских принципов государственного устройства. Военные могли использовать насилие в качестве одного из инструментов поддержки национализма в противовес религии.

В то же время, когда в основу идеологии закладывались идеи национализма, руководство должно было обеспечить достаточно высокий уровень развития, чтобы продемонстрировать обществу превосходство светских идей над религиозной идеологией. Чтобы удержать ситуацию под контролем, властям было необходимо уравновесить степень взаимовлияния религии и армии в государстве в их взаимодействии с обществом. С тем чтобы ограничить проникновение в общество чуждых ему религиозных проявлений, режим в ряде случаев мог допустить некоторую степень участия религии в деятельности государства. Тогда роль религии в армии должна была сводиться к противодействию религиозной оппозиции. Исламская традиция и культура играли особую роль в системе арабского национального мировоззрения. В зависимости от политической конъюнктуры государство могло в той или иной степени задействовать исламские идеалы и символы в пропаганде идей арабского национализма в интересах мобилизации широких народных масс.

В Сирии религия в армии служила инструментом легитимации власти, но ее роль была значительно сильнее, чем этого можно бы-

ло ожидать. В армейской прессе САР редко печатались статьи, апеллировавшие к религии как одному из факторов идентификации армии. Если подобные статьи и появлялись, то в основном в них встречались такие понятия, как «аль-шахада» (мученическая смерть за веру) в борьбе с предателями и иностранными агентами. При этом нередко встречались ссылки на Коран. Ислам служил не конечной целью, а средством для реализации националистических интересов, особенно в вопросах определения лояльности военных и их преданности своему народу и стране (Джейш аль-шааб 1998: 27–28). В армии Египта ислам был фактически выведен за рамки инструментария, определявшего корпоративную идентичность египетских военных. В Иордании ислам являлся одним из важных факторов определения коллективной идентичности в вооруженных силах. В речах и обращениях иорданского монарха к военным, более чем у кого-либо из арабских лидеров, содержались религиозные элементы. В то же время основным мотивом, определявшим поведение военных, являлось служение не Аллаху, а монарху в традициях абсолютной монархии (Аль-Акса 1998: 22).

Ситуация с исламом в арабских армиях свидетельствовала о том, что нарастание религиозных настроений там носило инструментальный характер, чем отражало тот факт, что военные и армия как институт искренне разделяли приверженность к исламу. При этом вряд ли было возможным отрицать роль ислама в формировании коллективной идентичности армии, где многие офицеры и солдаты искренне верили в ислам. Поэтому любые заигрывания с исламом, особенно в условиях кризисных процессов в государстве и обществе, обычно заканчивались не в пользу власти. Как в Сирии и Ираке, в Иране армия носила идеологический характер. Однако, в отличие от указанных арабских стран, где индоктринация личного состава строилась на основе светских идей партии «Баас», в Исламской республике поведенческий стереотип военных определялся идеями Исламской революции.

За последние десятилетия Корпус стражей исламской революции ИРИ (КСИР) превратился из обычной шиитской милиции для защиты духовенства (450–500 человек) в теневое (глубинное) государство. КСИР был главной движущей силой экспорта Исламской революции на Ближнем Востоке (Saban 2020). В своей деятельности КСИР руководствовался политическими установками защиты режима, личной власти Верховного правителя (рахбара), обеспечением исламской справедливости.

Религиозная лояльность была связана с государством в лице рах-бара, поскольку именно он выполнял свой долг и обеспечивал защиту и пропаганду религиозных ценностей. Ислам был интегрирован в «священные» военные ритуалы. Религии отводилась важная роль в политико-воспитательной работе и моральной подготовке солдат, обеспечивались условия соблюдения религиозных ритуалов. Шиитская доктрина служила средством воспитания господствующей самоидентификации офицеров. КСИР является ключевым элементом любого сценария эволюции власти в ИРИ и располагает исключительными ресурсами в вопросах обороны, безопасности, экономики, социальной и идеологической мобилизации общества (Al-foneh 2013).

Откликаясь на вызовы глобализации и модернизации, ближневосточные руководители периодически пытались вывести религиозные настроения из сферы деятельности широких слоев населения и сделать религию частным делом отдельного гражданина. Они полагали, что так им будет легче управлять страной и модернизировать государство. Однако политика ограничения религиозных настроений в армии не спасла арабские вооруженные силы от широкого присутствия в них шиитских милиций. В Египте в январе 2011 г. армия (военная контрразведка) фактически отстранила Х. Мубарака от власти и открыла запрещенным в России «Братьям-мусульманам» дорогу на властное поприще. Процесс эволюции общественно-политической мысли повлиял на изменение роли религии в армии, а также оказал влияние на состояние международной безопасности на Ближнем Востоке. В силу неразвитости демократии государство на Ближнем Востоке было более слабым институтом, чем такие социальные организации, как религия, община, семья. Активизации движений политического ислама отчасти способствовали сами арабские власти. Несмотря на непримиримую борьбу, которую арабские правители вели с исламистами, они, как правило, не трогали религиозные учреждения (мечети, медресе и т. п.). В отличие от оппозиционных групп светского характера, исламские движения, даже уйдя в подполье, всегда сохраняли возможности возврата к активной политической работе. Как показали события «арабской весны», исламисты успешно использовали мечети в качестве штабов «революции». «Арабская весна» вывела на рабскую политическую авансцену движения радикального ислама. В то же время исламские организации не обладали устойчивыми политическими позициями внутри своих стран и не пользовались согласо-

ванной поддержкой различных слоев общества (Игнатенко 1987: 49). На рубеже XXI в. после выхода на политическую арену исламистских движений политический облик Ближнего Востока заметно изменился. Расцвет политического ислама привел к разделению религиозных институтов на системные (встроенные в структуру власти) и оппозиционные, политически ангажированные (исламский фундаментализм, исламизм). Политизация ислама сопровождалась трансформацией его духовно-нравственного потенциала и была связана с релятивизацией традиционных религиозных ценностей. Она сопровождалась конфессиональными деструкциями, которые вводили религиозное пространство в состояние перманентного кризиса, выход из которого сопровождался его радикальной трансформацией. Усиливающийся раскол по конфессиональным и этническим линиям ослабил светский характер идеологии арабского национализма за счет его замещения идеями радикального ислама и этноконфессионального сепаратизма, которые приобретали все более агрессивный характер под воздействием происходящих в регионе процессов.

Вооруженные этнорелигиозные конфликты лишь по форме напоминали прежнюю вражду. Они являлись прежде всего результатом острых социальных противоречий, столкновением групповых интересов и борьбы за политическое и экономическое влияние в регионе. С учетом того, что формирование современных типов государств на мусульманском Востоке началось только в конце XIX в., для людей, воспитанных в рамках мусульманской традиции, идея войны как орудия религии не являлась неожиданной. Подобное мировоззрение детерминировалось ощущениями внешней угрозы исламской идентичности, мессианскими настроениями, желанием отстроить новое государство на религиозно-политическом фундаменте. По этой причине отказ от идеи религиозной войны шел на Ближнем Востоке значительно медленней, чем в государствах Западной Европы. На рубеже столетий светский облик арабского офицера изрядно изменился.

Несмотря на провозглашенный светский характер правления, в арабо-мусульманских обществах был силен дух традиционализма (фундаментализма). В большинстве стран Ближнего Востока религия и религиозные деятели активно влияли на определение идентичности государства, характер власти, законодательную практику. Это меняло алгоритм взаимоотношений в треугольнике власть – армия – религия, который служил одним из ключевых элементов государственной инфраструктуры многих стран Ближнего Востока.

Во время «арабской весны» власть использовала армию для разрешения конфликтов как на религиозной, так и на светской основе (Гринин, Коротаев 2014; Grinin, Korotayev 2022). Подобная практика порождала расхождение между арабскими правящими режимами и официальным исламом, который их легитимировал и обслуживал властные интересы. В результате официальный ислам стал неоднозначно восприниматься в гражданском обществе и в офицерском корпусе в частности. В этих условиях лояльность многих военных обеспечивалась до тех пор, пока власть оказывалась способной защищать продекларированные религиозные ценности. Постепенно религиозные цели стали служить для участников вооруженных конфликтов оправданием применения несанкционированных властью различных форм насилия, в том числе и по отношению к мирному гражданскому населению.

В кризисных условиях религиозные взгляды, верования, фанатизм играли все более весомую роль в мотивации вооруженных конфликтов. Идеология фундаментализма (интегризма) была типична для всех монотеистических религий, но ее радикальный тренд обуславливался политическим процессом. В политических реалиях мусульманского Востока даже светские идеи, становясь символом борьбы, неизбежно обожествлялись, а Бог любви быстро превращался в Бога войны.

Конфликты низкой интенсивности и гибридные войны становились важным элементом современного политического противоборства на Ближнем Востоке. Их мотивационной основой могли служить укоренившиеся в массовом сознании идеи панисламизма, обостренные всплесками национализма, который усиливал религиозную установку к политическому действию. Наступательная бескомпромиссная деятельность политических движений и партий могла становиться драйвером религиозных конфликтов. Специфика конфликтов низкой интенсивности на Ближнем Востоке определялась группой факторов. В той степени, в какой война рассматривалась как инструмент религии, право объявлять ее становилось привилегией религиозных партий и движений, а не государства и светских властей.

Негосударственными акторами таких конфликтов были вооруженные группы, созданные наподобие народных дружин, повстанческих армий, отрядов волонтеров и милиционных сил. Они отличались по своему происхождению, конфессиональной принадлежности, принципам индоктринации личного состава, идейно-поли-

тическим установкам, преследуемым целям, характеру отношений с государственными структурами. Религиозные милиции имели общую экзистенциальную основу. Она была образована из паттернов религиозной доминанты, внедренных в их политическое сознание путем хитроумных манипуляций и психологических установок. Например, шиитские милиции Ирака и Сирии демонстрировали способность сотрудничать друг с другом и с подразделениями иранских вооруженных сил, образуя ударный отряд исламского сопротивления.

Современная регулярная армия становилась практически бесполезной для ведения такой формы войны. Материально-техническое обеспечение требовало большого штата людей в арьергарде, из-за чего ведущим бой частям оставалось слишком мало ресурсов. Характерной особенностью конфликтов низкой интенсивности являлось то, что территориальная близость противника не гарантировала победы над ним. Неспособность подавить врага вблизи (внутри) своих границ была чревата отрицательными последствиями для власти и национальных вооруженных сил, если в дело были втянуты группы недовольных с обеих сторон, а театр военных действий захватывал соседние государства. Распространение религиозно окрашенных конфликтов низкой интенсивности приводило к изменению структуры военных организаций.

Основными участниками военных действий в Ираке, Сирии, Ливане зачастую становились не армии, а милицейские формирования. Они были основаны больше на харизматических принципах, нежели на институциональных началах. Основой мотивации их действий служил не профессионализм, а идеологическая лояльность. Они подчинялись определенному руководству, располагавшему методами финансового воздействия. Эти организации опирались на поддержку той или иной группы населения, которую было сложно отделить от тех, кто вел активные боевые действия.

В условиях вооруженной конфронтации на Ближнем Востоке регулярные армии утрачивали свое традиционное предназначение защитника народа и государства, перерождаясь в параллельные войска и религиозные милиции, которые охраняли правящую власть. Распространение новых видов войны было чревато уничтожением государства как института. На смену государству-нации могли прийти военные организации нового типа. Идущие в регионе процессы трансформации войны и эволюции национальных вооруженных

сил формировали благоприятную среду для реализации целей внешней религиозной экспансии в регионе.

Заключение

С исторической точки зрения Ближневосточный регион представлял собой сосредоточие многообразных процессов мирового цивилизационного значения. В мире постоянно рос интерес к государствам Ближнего Востока, его истории, культуре, особенностям жизни ближневосточных обществ и происходившим там социально-политическим процессам. Если до Второй мировой войны международное значение государств региона определялось прежде всего их выгодным геостратегическим положением, то на рубеже XX–XXI вв. роль ближневосточных стран в мировой политике существенно возросла. Произошло это не только в результате обнаружения на их территории гигантских запасов углеводородов, но и в связи со стремлением мировых держав играть более значимую роль в региональной политике, динамика которой серьезно влияла на геополитическую обстановку в современном мире.

Ближневосточный регион фактически был признан элементом глобальной безопасности и международных отношений, складывавшихся в больших политико-экономических зонах. Несмотря на свою взаимосвязанность, процессы глобализации и регионализации отражали неоднозначные тенденции развития современных международных процессов на Ближнем Востоке. События последних лет усилили дихотомию процессов регионализации и глобализации в регионе. Это выражалось, в частности, в возрождении традиционных социально-политических практик как ответе на тенденцию универсализации региональных политических систем. Большинство ближневосточных стран сталкивалось с серьезными экономическими и социальными трудностями на пути модернизации и демократизации своих обществ.

Процессы глобализации и модернизации происходили на фоне процессов смены власти и активизировавшихся попыток изменить характер действующих политических систем арабских стран. В значительной степени это объяснялось спецификой эволюции политических систем арабских государств. В отсутствие мощного государства рыночные стратегии развития рано или поздно терпели крах из-за порождаемого ими экономического и социального неравенства, эскалации политической борьбы. Реализация нелиберальных

моделей развития в таких странах вела к политическим потрясениям, подрыву экономики и государственным переворотам.

Прежние системы сдержек и противовесов, контролируемый сверху градус конфессиональных и этнических разногласий, привычные инструменты и методы работы, ранее созданные альянсы и союзы подверглись критической ревизии. Они больше не работали в плане поддержания региональной стабильности. В результате указанных процессов размывались национальные границы, рушились суверенитеты, видоизменялась парадигма выстраивания новой государственности, общество обрекалось на поиск новой самоидентификации.

Степень конфликтогенности региона приобретала ярко выраженную тенденцию к росту, что обостряло проблему международной безопасности и противодействия новому типу вызовов и угроз. Во многом это было связано с отсутствием эффективных механизмов поддержания стабильности на Ближнем Востоке. Несмотря на отмеченный выше процесс глобализации, Ближний Восток остается сегодня одним из самых проблемных регионов мира. Решающим фактором, определявшим контуры развития региональной безопасности на Ближнем Востоке, являлось не столько изменение внешнего антуража ближневосточной политики, сколько региональные внутривосточные процессы.

Рубеж XXI столетия ознаменовался чередой острых конфликтов. Ближний Восток лидировал по количеству вооруженных столкновений и кризисов, став одним из центров угроз международной безопасности. В условиях стремительно уходящей в прошлое системы международных отношений, организации прежнего миропорядка формируются новые мировые центры силы и влияния. В основе их объединения и поведенческого стереотипа заложены иные принципы полицентричности, которые определяют возможности влияния каждого из центров на мировую политику и характер их взаимодействия друг с другом. Отмеченные выше тенденции в развитии политического процесса на Ближнем Востоке формируют основные параметры межгосударственных отношений и приоритетные направления политики региональных государств, в том числе и в вопросах национальной безопасности.

В этой связи избыточно обобщенные оценки в вопросах исследования социально-политических процессов на современном Ближнем Востоке перестают корректно отражать реальное положение дел. Очевидно, следует больше внимания уделять новым трендам в раз-

витии современного ближневосточного политического процесса в поисках новых факторов и механизмов обеспечения региональной безопасности. Наиболее ярким подтверждением вышесказанному может служить приход к власти в Сирии исламских джихадистов из запрещенной в России террористической организации «Хайат Тах-рир аль-Шам» (ХТШ), которая не только получила всеобщее международное признание, но и отметила 8 декабря 2025 г. годовщину пребывания у власти в Сирии.

В целом же усиление влияния Израиля на политику США и позицию Д. Трампа начинает все больше угрожать безопасности Ирана, всего Ближнего Востока и мира в целом.

Литература

Аль-Акса. 1998. № 907. Февраль (на араб. яз.).

Ахмедов, В. М.

2002 (ред.). *Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии.* М.: ИИИиБВ.

2004. Офицерство в общественно-политической жизни стран Ближнего Востока. В: Ахмедов, В. М., Юрченко В. П., *Офицерский корпус ближневосточных государств.* М.: ИИИиБВ. С. 3–23.

2008. *Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока.* М.: Гуманитарий.

Воскресенский, А. Д. (ред.). 2007. *Политические системы и политические культуры Востока.* М.: Восток-Запад.

Гринин, Л. Е. 2019. Исламизм как историко-цивилизационный и социально-политический феномен. *Философия и общество* 2: 5–39. DOI: DOI: 10.30884/jfio/2019.02.01.

Гринин, Л. Е., Коротчаев, А. В.

2014. Революция vs демократия (революция и контрреволюция в Египте). *Полис* 3: 139–158.

2019. *Исламизм и его роль в современном исламском обществе.* М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

Джейш аль-шааб. 1998. № 1825. Апрель (на араб. яз.).

Игнатенко, А. А. 1987. Политика государственного терроризма и исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке. В: Полонская, Л. Р. (отв. ред.), *«Исламский фактор» в международных отношениях в Азии (70-е – первая половина 80-х гг.).* М.: Наука. С. 48–59.

Левин, З. И. 1979. *Развитие арабской общественной мысли, 1917–1945.* М.: Наука.

Сапронова, М. А. 2003. *Государственный строй и конституции арабских республик*. М.: Муравей.

Труевцев, К. М. 2020. *Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности*. М.: ИВ РАН.

Alfoneh, A. 2013. *Iran Unveiled: How the Revolutionary Guards Is Transforming Iran from Theocracy into Military Dictatorship*. Washington, DC: Rowman & Littlefield.

Grinin, L., Korotayev, A. 2022. The Arab Spring: Causes, Conditions, and Driving Forces. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 595–624. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_23.

Grinin, L., Korotayev, A., Tausch, A. 2019. *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives*. Cham: Springer. URL: https://books.google.ru/books/about/Islamism_Arab_Spring_and_the_Future_of_D.html?id=CfeAtQEACAAJ&redir_esc=y.

Halliday, F. 1999. The Nationalist Debate and the Middle East. In Kazemi, A., Roy, O., Halliday, F. *et al.*, *Middle Eastern Lectures* No. 3. Tel-Avive: The Moshe Dayan Center.

Huntington, S. P. 1991. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman; London: University of Oklahoma Press.

Leftwich, A. 1993. Governance, Democracy, and Development in the Third World. *Third World Quarterly* 14(3): 605–624.

Nordlinger, E. A. 1977. *Soldiers in Politics. Military Coups and Governments*. Englewood Cliffs; NJ: Prentice-Hall.

Saban, N. 2020. Factbox: Iranian Influence and Presence in Syria. *Atlantic Council* May 11. URL: <https://bit.ly/3dOvG7C>.